

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.5.12>

Чернышов Артем Петрович

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВЕРНОПОДДАННИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ И СОСЛОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ДВОРЯНСКОЙ СРЕДЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ И НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

В статье на основе системного анализа архивных материалов Нижегородской и Пензенской губерний первой половины XIX столетия анализируется проблема идеологического воздействия различных уровней власти на сознание высшего сословия - дворянства. Выявлены как стандартные властные практики, типичные для Российской империи в целом, так и региональные механизмы формирования "запрограммированных" сверху верноподданнических настроений, ценностных ориентиров и моделей поведения провинциального дворянства. При этом особое внимание уделяется каналам "обратной связи", намеренно демонстрируемым, и реальным настроениям в провинции, оппозиционная направленность которых в изучаемый период явно возрастает.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/5/12.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 62-65. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 930

Дата поступления рукописи: 06.03.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.5.12>

В статье на основе системного анализа архивных материалов Нижегородской и Пензенской губерний первой половины XIX столетия анализируется проблема идеологического воздействия различных уровней власти на сознание высшего сословия – дворянства. Выявлены как стандартные властные практики, типичные для Российской империи в целом, так и региональные механизмы формирования «запрограммированных» сверху верноподданнических настроений, ценностных ориентиров и моделей поведения провинциального дворянства. При этом особое внимание уделяется каналам «обратной связи», намеренно демонстрируемым, и реальным настроениям в провинции, оппозиционная направленность которых в изучаемый период явно возрастает.

Ключевые слова и фразы: верноподданнические настроения; сословные ценности; провинциальное дворянство; власть; идеологическое воздействие.

Чернышов Артем Петрович

*Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск
retrowich13@mail.ru*

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВЕРНОПОДДАННИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ И СОСЛОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ДВОРЯНСКОЙ СРЕДЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ И НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Современные исследования повседневности сопровождаются дискуссиями о структуре, основных составляющих этой категории. Большинство исследователей включают в структуру повседневности поведенческий, деятельностный, пространственный компоненты, не учитывая её ценностной составляющей. При этом именно ценности индивида определяют модели его поведения, образ жизни, социальные связи и другие аспекты повседневной жизни. В этой связи особый интерес представляют механизмы формирования индивидуальных и общественных ценностей, участие в этом процессе властных структур. В таком случае можно говорить об ожидаемых, запрограммированных ценностных установках, определенных стереотипах и отклонениях от них. Настоящее исследование нацелено на анализ этой малоизученной и, безусловно, **актуальной** проблемы на примере российского провинциального дворянства первой половины XIX столетия. Его научная **новизна** определяется не только значимостью изучения каналов воздействия самодержавия на сословное самосознание дворянства, но и введением в научный оборот комплекса неопубликованных источников, а также межрегиональным характером. Исследование обобщает практики, используемые властью для воздействия на ценностные ориентиры высшего сословия в имперском масштабе, выявляет региональные особенности на материалах Поволжья.

Первая половина XIX столетия – период симбиоза либеральных и реакционных мероприятий государственной политики, возникновения дворянской оппозиции, возрастания политического контроля за всеми сферами общественной жизни, вплоть до частной. В этих условиях одним из механизмов формирования верноподданнических настроений провинциального дворянства выступало сословное законодательство.

Правительство Александра I (1801-1825) подчеркивало приоритет потомственного дворянства в сословной среде, стремилось оградить его от притока чуждых элементов и соблудности «чистоту» сословия – расширялись основания приобретения прав потомственного дворянства, дети личных дворян лишались права владеть крестьянами. Эта тенденция усилилась при Николае I (1825-1855) – доступ в дворянское сословие указом от 30 октября 1826 г. был существенно ограничен. Кроме того, указом 1845 г. были повышены чины, необходимые для приобретения дворянства в порядке выслуги [8, т. 31, с. 784].

Карьерный рост дворянина ставился в зависимость от его образования, о чем свидетельствовали указы от 3 июля и 3 ноября 1806 г., а также инициированный М. М. Сперанским указ 6 августа 1809 г. об «экзамене на чин». На гражданской службе студенты вузов с 1822 г. получали чин 12 класса, а лица с высшим образованием – от 14 до 9 класса [Там же, т. 27, с. 945]. В этих условиях восприятие дворянами службы не как сословного долга, а как средства приобретения чина, а следовательно, более высокого статуса также возрастало. Формированию подобного отношения к службе способствовала и отмена очень тяготившего дворянство «экзамена на чин», узаконенная в 1844 г.

Расширением корпоративных прав дворянства власть хотела продемонстрировать сословию неизбежность его политического влияния в российском обществе и активизировать участие дворян в сословном самоуправлении как альтернативе отмененной в 1762 г. обязательной службы. Акцент делается на независимости дворянских собраний, расширении полномочий губернских предводителей дворянства и депутатов от дворян, разграничении полномочий дворянского самоуправления и губернаторской власти (указ от 16 августа 1802 г., указ от 2 мая 1805 г., указы 1808, 1812, 1815, 1823 гг.) [Там же, с. 605]. При Николае I избирательные права дворянства были поставлены в зависимость от внутрисословной иерархии. Положением о дворянских выборах 6 декабря 1831 г. мелкопоместное дворянство было ограничено в избирательных правах. В итоге к 1849 г. реальные избирательные права потеряло 92,6% потомственного дворянства Пензенской губернии, 90,8% – Нижегородской губернии [9, д. 5, л. 4 об.].

Самодержавие пыталось контролировать и нравственный облик дворянина. Недостойное дворянского статуса поведение могло привести к потере прав дворянства. Указом от 19 июня 1819 г. лишались дворянства обличенные в краже, предавались суду виновные в непотребстве, пьянстве и карточной игре [8, т. 27, с. 415].

Несмотря на явно продворянскую политику, восприятие императорской власти в провинции было неоднозначным уже во второй половине царствования Александра I. На смену первоначальному восхищению «сущим прельстителем» пришло разочарование и недовольство. Так, по свидетельству Ф. Ф. Вигеля, пензенское дворянство критиковало политику Александра I в сфере просвещения, поскольку духовным образованием юношества занимался «любимец государев» князь А. Н. Голицын, который «влез по уши в мистицизм» [2, с. 837]. Не восприняло прогрессивное дворянство и назначение на пост министра юстиции «бешеного Дмитрия Ивановича Лобанова» – в среде пензенского дворянства его считали «разъяренной обезьяной, которая могла кусать только невпопад» [Там же, с. 838].

«Апогей самодержавия» Николая I преопределил возрастание общественно-политического движения и скрытой дворянской оппозиции. «Чугунная цензура», ликвидация университетской автономии ограничивали интересы литераторов, деятелей культуры и науки. Антиправительственные настроения особенно усилились с созданием III Отделения Его Императорского Величества Канцелярии, атмосферой доносительства и шпионажа, всестороннего контроля за настроениями и частной жизнью подданных. Документы III Отделения переполнены делами о «развратном поведении и предосудительных поступках», «непозволительных сношениях с государственными преступниками», о студентах, «учредивших тайное общество» [4, д. 2, 3, 47, 164]. Под пристальное внимание попадала и личная жизнь подданных – через губернаторов, уездных и губернских предводителей дворянства император нередко вмешивался даже в семейные конфликты. Так, в 1826 г. помещица Арзамасского уезда Анна Анненкова, «оставленная мужем», обращается к Николаю I со «всеподданнейшим прошением о повелении... понудить мужа ея уплатить ей на содержание некоторую часть доходов, из достояния его довольно избыточного». Император не оставляет прошение без внимания и призывает местного генерал-губернатора взять «госпожу Анненкову под свое покровительство» [9, д. 2901, л. 1].

Для формирования ожидаемого отношения дворянства к власти самодержавие активно использовало формулировки в императорских указах. Этой же цели служили и особые знаки «монаршей милости»: дорогие подарки и различные награды. Графиня С. Шуазель-Гуфье в своих записках отмечает, что император Александр I тратил очень много средств на приобретение «знаков благоволения» – драгоценных вещей (табакерок, колец, фермуаров), «наименьшая стоимость которых равнялась трем-четыремстам франков» [11, с. 132].

В отношении провинциального дворянства, как правило, применялся простой и эффективный механизм: в его сознании закреплялось убеждение, что только верность и преданность престолу могли обеспечить монаршее благоволение. В наградных документах губернских и уездных предводителей дворянства, военных дворян, отличившихся на службе, нередко объясняются мотивы «монаршей милости»: «усердная и ревностная служба Отечеству», «всегдашняя преданность», «верность престолу», «особенное наше благоволение к нижегородскому дворянству», «усердие... во время пребывания нашего в Пензенской губернии» [3, д. 7, л. 2, 3 об., 4 об.].

В целом анализ императорских указов, распоряжений и циркуляров министерств, ведомств, постановлений губернаторов, делопроизводственной документации губернских и уездных дворянских собраний отражает не только перманентное «ограждение» властью интересов высшего сословия, но и позволяет определить особенности формирования верноподданнических настроений провинциальных дворян – характерные формулировки в законодательстве, систему поощрений за преданность, акцент на заслугах сословия перед престолом как гарантию «ответной реакции». Кроме того, анализ сословного законодательства и его восприятия в провинции отражает механизмы обратной связи, демонстрирует трансформацию отношения дворянства к власти и непосредственно к императору, зарождение оппозиционных настроений в провинциальной дворянской среде.

Формирование верноподданнических настроений и сословных ценностей дворянства происходило и во время путешествий – своеобразной формы взаимодействия столицы и провинции. Визиты императора и членов императорского дома в провинцию выполняли различные функции: они служили важнейшим индикатором взаимоотношений власти и провинциального дворянского общества, формировали востребованные властью идеологические установки в сознании дворян, рассматривались в провинции как возможность (нередко единственная, в отличие от столиц) приблизиться к императору и через его покровительство решить свои личные, материальные или профессиональные проблемы. С другой стороны, отраженные в делопроизводственных материалах и официальной переписке верноподданнические настроения дворян, «всеобщий» восторг по случаю приезда «великого» путешественника не всегда совпадали с истинными чувствами дворян. Об этом свидетельствуют нередкие отказы дворян от участия в подготовке к высочайшему визиту, их нежелание выполнять разнообразные дополнительные обязанности, обеспечивающие безопасность и комфорт визитера. Такие выводы позволил сделать анализ архивных документов, содержащихся в фондах 132 Государственного архива Пензенской области и 639 Центрального архива Нижегородской области и посвященных путешествиям великого князя Михаила Павловича, императоров Александра I и Николая I, великого князя Александра Николаевича в Пензенскую и Нижегородскую губернии [3; 9]. В частности, типичной для местного дворянства была реакция нижегородского помещика М. Бессонова на приглашение явиться в губернский город для встречи императора: «За щастие бы поставил, в назначенный от Вашего сиятельства срок лично предстать для сего высочайшего и знаменитого посетителя – но к несчастию моему болезнь моя кружением головы и страдание от простуды горла лишает сего приятного удовольствия» [9, д. 1819, л. 31].

Однако характерной чертой дворянской повседневности была некая «декоративность», показательность социальных отношений [6]. Поэтому внешне, встречая императора, дворяне демонстрировали «всеобщее ликование

и восторг» [9, д. 1819, л. 17]. Эти ожидаемые властью эмоции дворянства во многом «обеспечивались» губернскими и уездными предводителями дворянства. Это делалось через программирование подобного поведения в непосредственных обращениях к дворянству, «программах аллегорических картин» [Там же, л. 14 – 15 об.], в образной форме моделирующих пышную встречу императора, и в официальной переписке.

Другой формой взаимодействия столицы и провинции стало пребывание провинциальных дворян в столице. В первой половине XIX столетия дворянство близлежащих губерний часто приезжало в столицы для участия в различных светских и религиозных праздниках, придворных торжествах, решения личных вопросов, встреч с «нужным» человеком, сватовства детей и т.п. Помимо краткосрочных визитов в столицу, провинциальные дворяне могли пребывать здесь и достаточно длительный период. Формы долгосрочного пребывания в столице были разнообразны: традиционный выезд в столицу на весь зимний период; пребывание здесь по долгу службы; получение образования в столичных учебных заведениях; длительное гостевание в хлебосольной Москве, которое могло даже трансформироваться в «приживальничество».

Пребывание провинциального дворянства в столице давало возможность властям контролировать его умонастроения и оказывать идеологическое воздействие на его сознание. Через столичную аристократию и свойственный дворянам механизм подражания в дворянское провинциальное общество транслировались верноподданнические настроения, активно распространялся стереотип восторженного отношения к императору. В частности, воспитанница Патриотического института А. В. Лазарева вспоминала: «Быть во дворце, видеть царскую семью... казалось маленькой провинциалке недосягаемым блаженством» [5, с. 50].

Механизмом воздействия власти на сознание провинциального дворянства можно считать и государственный контроль в системе дворянского образования. Император лично контролировал и процесс воспитания и образования дворян в столичных образовательных учреждениях. В. М. Шиман свидетельствовал, что в первом часу дня в любую погоду Николай I отправлялся «в инспектирование учебных заведений», чаще всего кадетских корпусов и женских институтов [10, с. 471]. За содержанием образования «зорко следили, чтобы не было какого опасного веяния» и никакого внешнего влияния [Там же, с. 472]. Преподавательский состав учебных заведений также подвергался контролю со стороны властей и тщательно отбирался. В этом отношении показательны знаменитые университетские ревизии изучаемого периода, когда лучшие профессора увольнялись из университетов «за неблагонадежность». Подобные меры затронули и другие ступени образовательной системы. В этом смысле показательно письмо Министерства Народного Просвещения Казанского учебного округа от 30 ноября 1851 г. директору Нижегородского Александровского Дворянского института, в котором сообщалось, что учитель французского языка Смуркович «состоит под секретным наблюдением полицейского начальства за прикосновенность к делу о бывшем одесском банкире Молодецком» [9, д. 21, л. 3 – 3 об.].

В провинции государственный контроль за образованием проявлялся в четком распределении дворян по учебным заведениям, регламентации всех сторон их деятельности и дифференцированном подходе к претендентам на обучение, обусловленном, в первую очередь, их материальным положением и конфессиональной принадлежностью. Так, нижегородский губернский предводитель дворянства при отборе претенденток на обучение в Екатерининское училище по распоряжению свыше должен был «учинить справку, есть ли за кем недвижимое имение, и какое именно по доходам и дворовым крестьянам» [Там же, д. 2834, л. 2]. Кроме того, претендентки обязательно должны были быть православными. Но даже при соблюдении этих требований из трех отобранных претенденток «жребий ни одной не благоприятствовал» [Там же, л. 34].

Имущественный статус дворянина имел решающее значение при поступлении не только в столичные, но и в местные учебные заведения. В Пензе 1 января 1844 г. был открыт дворянский институт, доступный далеко не для всех дворян, поскольку ежегодная плата за обучение в нем была достаточно высокой и составляла 114 руб. 28 копеек. В открытом в 1844 г. в Нижнем Новгороде Александровском дворянском институте было 47 «своекоштных» воспитанников, за казенный счет обучалось 7, за счет местного дворянства – 22 [7, с. 67].

Архивные материалы Нижегородской губернии свидетельствуют, что процесс распространения высшего образования в дворянской среде шел очень медленно: из закончивших губернские дворянские институты поступали в университеты, как правило, 1-2 выпускника. Причиной часто выступала невозможность продолжить обучение по материальным соображениям. Тем не менее образовательный уровень провинциального дворянства в николаевскую эпоху постепенно возрастает. Так, Т. Р. Вакилев провел сравнительный анализ образовательного уровня представленного преимущественно дворянством чиновничества Пензенской губернии 1820-1830-х и 1840-1850-х гг. Если к началу 1830-х гг. системное образование получали 4 чиновника из ста (и лишь один из них университетское), то в 1840-1850-х гг. чиновники с высшим образованием встречаются во всех присутственных местах Пензенской губернии [1, с. 15].

В целом для воздействия на ценностные ориентиры провинциальной дворянской среды в первой половине XIX века власть использовала как традиционные властные практики, применяемые в имперском масштабе, – особые формулировки в законодательстве, сыскную деятельность III Отделения Его Императорского Величества Канцелярии, университетские ревизии, цензурные ограничения, нравоучительную литературу, так и меры, актуальные в региональном контексте. Среди них – жесткий контроль за отбором претендентов в столичные учебные заведения, конфессиональные ограничения, вмешательство в частную жизнь дворян в соответствии с «благородными» моделями поведения. Восприятие власти провинциальным дворянством в этот период трансформировалось в силу распространения общей тенденции к падению авторитета монарха, о чем свидетельствует несоответствие моделей поведения дворянства насаждаемым сверху верноподданническим идеалам – отказы дворянства от участия в подготовке к приему императора, наличие оппозиционных настроений, особенно в «опальной» Пензенской губернии, демонстрация преданности императору для получения особых привилегий.

Список источников

1. Вакилев Т. Р. Провинциальное чиновничество в системе государственного управления во второй четверти XIX века (по материалам Пензенской губернии): автореф. дисс. ... к.и.н. Пенза, 2017. 21 с.
2. Вигель Ф. Ф. Записки: в 2-х кн. М.: Захаров, 2003. Кн. 2. 844 с.
3. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 132. Оп. 1.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 3.
5. Институты благородных девиц в мемуарах воспитанниц / сост., подгот. текста и примечания Г. Г. Мартынова. М.: Ломоносов, 2013. 288 с.
6. Милешина Н. А. Патронажные связи как средство формирования «декоративности» социальных отношений (на примере российского провинциального дворянства второй половины XVIII – середины XIX столетия) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11 (37). Ч. 2. С. 117-119.
7. О выпускных испытаниях в Александровском дворянском институте // Нижегородские губернские ведомости. 1846. № 3. С. 65-67.
8. Полное собрание законов Российской империи: в 33-х т. / сост. М. М. Сперанский. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 27. 984 с.; Т. 31. 1018 с.
9. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 639. Оп. 124.
10. Шиман В. М. Император Николай Павлович (из записок и воспоминаний современника) // Русский архив. 1902. Кн. 1. № 3. С. 470-478.
11. Шуазель-Гуфье С. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе. М.: ГПИБ, 2007. 233 с.

**MECHANISMS TO FORM LOYAL MOODS AND CLASS VALUES
AMONG THE NOBILITY IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY
(BY THE EXAMPLE OF PENZA AND NIZHNY NOVGOROD PROVINCES)**

Chernyshov Artem Petrovich

*Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseviev, Saransk
petrowich13@mail.ru*

On the basis of the systemic analysis of archival materials of Nizhny Novgorod and Penza provinces of the first half of the XIX century the author examines the problem of ideological influence of different authority levels on the upper class's consciousness. The paper identifies both the adopted authoritative practices typical of the Russian Empire and regional mechanisms to form officially prescribed loyal moods, value orientations and behavioural models of the provincial nobility. Special attention is paid to feedback channels, officially adopted and real provincial attitudes, which tended to be more oppositional in the mentioned period.

Key words and phrases: loyal moods; class values; provincial nobility; authority; ideological influence.

УДК 93/94; 792(091):316.62(292.471):177.72
<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.5.13>

Дата поступления рукописи: 06.02.2019

Целью данной научной публикации является анализ благотворительной деятельности в Российской империи на примере любительских и профессиональных театральных постановок в Крыму. На основе архивных документов и материалов из периодической печати дана ретроспектива театральных постановок и культурных мероприятий в дореволюционном Крыму с благотворительными целями. Автором приводятся организации, суммы пожертвований, репертуар театральных вечеров, механизмы благотворительных отчислений с целью применения исторического опыта в контексте современной российской действительности.

Ключевые слова и фразы: благотворительность; спектакль; фонд; отчисления; общество; социальные проблемы.

Шендрикова Снежана Павловна, д.и.н., доцент
*Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в г. Ялте
snezhnashendrikova@rambler.ru*

**РОЛЬ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА В СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ КРЫМА
НА ПРИМЕРЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)**

Богатая история и прогрессивные перемены позволяют нам рассматривать Крым как уникальный регион, который ярко отображает культурные традиции своего социума. Синтез внутренних и внешних влияний на формирование духовной (культурной) жизни крымского общества дает возможность понимания общегуманистического содержания социума. На сегодня процесс национального и культурного возрождения невозможен без изучения, сохранения и популяризации историко-культурных ценностей, актуализации многовековых